

Ю.Н.Демков
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета,
заслуженный деятель науки,
почетный член РАН

СЕМЬЯ ЧЕЧУЛИНЫХ.

Мой дедушка, Сергей Дмитриевич Чечулин (1866 – 1940) и бабушка Мария Ивановна (урождённая Спасокукоцкая) (1866 – 1956) были, несомненно, выдающимися людьми, сыгравшими большую роль в нашем большом семействе. Они были тесно связаны с известными Ярославлю Белозерскими семьями. Мать бабушки, урождённая Шелеспанская, происходила из княжеского рода, известного с XV века. Брат бабушки, известный хирург, Сергей Иванович Спасокукоцкий, его бюст стоит сейчас в сквере 1-й Градской больницы в Москве. Мать дедушки, урождённая Петрова, была сестрой Николая Павловича Петрова, известного профессора Технологического института в Петербурге, зам. министра путей сообщения и члена Государственного Совета (изображён на известной картине Репина). Его сын – Николай Николаевич Петров – известный хирург, основатель Онкологического института в Ленинграде-Петербурге. Брат дедушки, Николай Дмитриевич, известный историк, специалист по веку Екатерины Великой, друг С.Ф.Платонова – автор ряда книг по истории России. Его бюст в 1980 г. был поставлен усилиями писателя из г.Шексны Кузовлева, ранее бывшего секретарём райкома, в бывшем имении Чечулиных в селе Борисоглебское около пристани Ирма на реке Шексне.

Из четырёх детей бабушки и дедушки Лидии, Ольги, Елены (моей мамы) и сына Александра (1903-1906) Елена Сергеевна (1900-1961) окончила Институт гражданских инженеров и была одной из первых женщин архитекторов России. Младший из детей Александр Сергеевич был видным хирургом – учеником своего дяди Николая Николаевича Петрова.

Всюду, куда бы ни попадал дедушка, он пользовался любовью и авторитетом товарищей, начиная со студенческой скамьи в Московском университете, где он был избран старостой курса. Он служил сначала в Москве на брестской железной дороге, потом в Крыму, Харькове, на Дальнем Востоке в Благовещенске на строительстве Транссибирской железной дороги, во время первой мировой войны заведовал санитарным поездом и после революции в Череповце. Он старался извлечь теоретические и практические уроки из своего гигантского опыта, написал книгу-справочник практического врача, увлекался евгеникой – учением о генетическом улучшении человеческого рода, написал трактат об его представлении о загробной жизни и, наконец, воспоминания о своей жизни. Всё это хранится в нашем архиве. Он специально выучил английский язык, чтобы переписываться с английскими специалистами по евгенике.

Дедушка и бабушка на моей памяти жили в г. Череповце, совсем рядом с вокзалом, занимая ведомственную квартиру в деревянном доме. Дедушка был главным врачом в железнодорожной поликлинике. Необыкновенная атмосфера любви, доброжелательства, стабильности, порядка, теплоты, мягкости, аккуратности, традиционность в лучшем смысле этого слова царили там. Никакой суеты, всё как бы делалось само собой. Большая кухня, столовая со стабильными местами для всех нас, самовар и чаепития, дедушка в своей неизменной чёрной шапочке, который во время нашего общего разговора или писал (в частности свои воспоминания), или раскладывал пасьянс, иногда включаясь в разговор. Бабушка во главе стола за самоваром, на окнах цветы бегонии с разноцветными листьями, плита с водяным баком, мясорубка, которую я часто с удовольствием крутил, помогая бабушке или домработнице. Спальня с угловым диванчиком, пальмой, пианино, на котором бабушка иногда играла, её рабочий стол и кресло (которое сейчас стоит за моим письменным столом), платяной шкаф с зеркалом. Дедушкин кабинет и прихожая, где постоянно сидели больные. Каждое утро мы, внуки, заходили туда, здоровались и целовали его. Я до сих пор помню ощущение его жёстких седых усов и бороды. Перед крыльцом садик с двумя берёзами, скамеечкой между ними и песочницей, пёстрыми ирисами, георгинами, кустом многолетних астр, резедой,

ноготками, львиным зевом и небольшой огородик. И ощущение счастья, которое было разлито вокруг, такого, какого я больше никогда не испытывал. Все мы шестеро внуков рвались туда.

Дедушка в конце своей жизни умел не тратить зря ни минуты. Правда в более ранние годы он (это было по-видимому поветрием в Москве конца XIX в.) увлекался игрой в винт, и проводил ночи за этим занятием. Но на моей памяти он всегда был занят. Он хвастался, что принял за свою жизнь миллион больных. Если считать по пятьдесят больных в день, то это 55 лет непрерывного приёма. Он говорил, что часто ставил диагноз ещё до того, как больной доходил от двери до его стола. Он вспоминал больного и его болезнь, даже если он приходил к нему снова через десятки лет. Его походный сундучок был с ним всегда, даже когда он ездил отдыхать в деревню. Слух о его приезде немедленно разносился по окрестностям, и толпы из соседних сёл собирались к нему. Отдых получался напряжённое работы. Популярность его в Череповце была громадной. Это помогло ему уцелеть при всех перипетиях частых смен начальства и смены политики при советской власти, что было особенно для бывшего помещика. Новые начальники сначала смотрели подозрительно и враждебно, но вскоре сменяли гнев на милость, часто сами становились пациентами. Когда его арестовали в 1937 г., то увезли в Вологду, продержали там всего два дня и отпустили. Количество людей, которым они с бабушкой помогли, было очень велико. Многим из них угрожал арест, многие и были арестованы и погибли. Бабушка с дедушкой никогда не боялись помогать и принимать таких людей, уверен, что сумели и защитить и спасти многих из них. Это требовало величайшего такта, знания психологии и бесстрашия. Только последние годы жизни дедушки появилась некая Канышева, директор железнодорожной поликлиники, член партии, которая интриговала против дедушки и портила ему жизнь. Я страшно жалею, что когда мне было 13 лет, в 1939 г. я был в пионерлагере под Москвой и не поехал на золотую свадьбу бабушки и дедушки, где собрались все наши родственники, и это был радостный итог их жизни.

Дедушка умер, настала война, и жизнь изменилась. Члены нашей семьи стали дальше друг от друга, но и сейчас, когда у нас радость или горе, мы собираемся вместе и чувствуем эту, так ненавязчиво, но настойчиво и с громадной любовью переданную нам силу – единство большой семьи, завещанные нам традиции прошлого этой идеальной парой. В своей жизни я не знал людей лучше и, мне кажется, это мнение разделяли все, кто их знал.